

лять в этих болгарских солдат?.. Будешь стрелять в тех, кого ведет Ленин?»

Я опустил к ноге винтовку, обеими руками стиснул ее длинный ствол и с миролюбивым видом оперся на нее... В момент этой встречи я впервые почувствовал неотразимую силу имени Ленина...»

Его имя! Оно было и осталось боевым знаменем, которого никогда, ни при каких обстоятельствах не должна, не имеет права коснуться вражья рука. О гибели одного из таких знаменосцев с сердечной горечью рассказал в своем очерке «В подвале» другой известный болгарский писатель — Камен Калчев.

Как и Димитр Талев, он был в ту пору юношей. Увлекался стихами. Случайно подружился с хорошим человеком — с дядюшкой Стояном Мариновым. Оба зачитывались Владимиром Маяковским, Христо Смирненским. На этой почве они и сошлись. Студент Камен Калчев жил в мансарде, дядюшка Стоян, исполнявший обязанности привратника и истопника, — в полутемном подвале. Студент не подозревал поначалу, что этот подвал был не только жильем, но и явкой...

Однажды, спустившись к своему другу, Камен Калчев обратил внимание на появившуюся на стене детскую фотографию.

«— Это чей ребенок?..»

— Братнин, — равнодушно ответил дядюшка Стоян. — Вчера вот получил по почте... Хорош, а? Видишь, как он на меня смотрит?..

Издали взглянув на фотографию, дядюшка Стоян улыбнулся.

Два-три дня спустя после этого разговора ко мне на чердак поднялся взволнованный дядюшка Стоян:

— Обыск у меня был, — говорит.

— Обыск?.. Какой обыск?..

— Обыкновенный, полицейский...

Мы оба помолчали. Потом дядюшка Стоян подмигнул мне:

— Ничего не нашли. — И добавил: — К портрету

моему тоже было прицепились, но я и дотронуться до него не дал... Они ведь варвары!.. Нашли кого обыскивать!..»

Вскоре друга Камена Калчева все-таки арестовали. Жандармы налетели и взяли его так быстро, что дядюшка Стоян даже не успел и пальто надеть, но детскую фотографию незаметно сунул за пазуху. В тюрьме, не выдержав пыток, он погиб. Жене вернули одежду подпольщика. Убитая горем вдова позвала к себе студента.

«— Письмишко для тебя нашла в кармане у Стояна...»

Я вздрогнул. С удивлением взял выдавший виды конверт, вскрыл его, и сердце мое забило от волнения. В конверте оказалась знакомая детская фотография, но с надписью на обороте: «Владимир Ильич Ленин».

Оцепенев от неожиданности, я стоял посреди подвала и не мог оторваться от лица ребенка. Потом повернулся и молча пошел к себе.

Снимок и сегодня напоминает мне о дядюшке Стояне, отгоняя прочь печаль и старость, которые порой подступают к порогу».

Как и подобает знаменосцу, дядюшка Стоян с че-

стью пронес дорогую для него фотографию сквозь тюремные решетки и застенки, не позволив врагу даже прикоснуться к ней. Погибая, он передал ее из рук в руки...

Читаешь ли «Светлую годовщину» Елисаветы Багряны, «Песню о дне рождения» Божидара Божилова, «Ленинское слово» Христо Радевского, «Великую мысль» Валерия Петрова, «Расстрел» Спаса Краевского или «Ленин в Октябре» Светослава Минкова — испытываешь чувство благодарности. Все они люди с разным житейским опытом, одни — поэты, другие — прозаики. Но, может быть, потому, что каждый из них вложил в найденное слово частицу своего сердца, своей мысли, может быть, именно потому с созданного ими портрета смотрит на нас с вами живой Ильич. И, всматриваясь в его портрет, невольно вспоминаешь слова народной мудрости:

«— Скажи, кто твой лучший друг?»

— Мой лучший друг тот, кто лучший друг моего народа».

Таким другом для всех народов был и навсегда останется Владимир Ильич Ленин.

Б. Диденко

Размышления у бронзовых врат

Tadeusz Breza. Spiszowa brama. Warszawa, Czytelnik. 1960.

Когда Леона Кручковского, гостившего недавно в Советском Союзе, спросили в одной из московских редакций, какая книга наиболее популярна сегодня в Польше, он не колеблясь назвал «Бронзовые врата» Тадеуша Брезы.

Действительно, за короткий срок это произведение приобрело популярность в самых широких читательских кругах. Например, газета «Политика» распространила среди польских писа-

телей анкету с вопросом о лучшей книге минувшего года, и большинство назвало «Бронзовые врата». Подводя итоги этого плебисцита, газета подчеркнула, что «за последние годы это первый случай, когда литературная общественность с таким единодушием «голосует» за одну и ту же книгу». Впрочем, общественность не только литературная: почти единогласно «проголосовали» за нее и читатели журнала «Столица» — люди самых

различных профессий. Но самое красноречивое свидетельство ее популярности то, что оба издания ее разошлись без остатка за несколько месяцев.

Что же это за книга и чем вызван столь широкий интерес к ней в сегодняшней Польше?

Автор дал ей подзаголовок «Римский дневник». Это действительно писательский дневник — результат трехлетнего пребывания Брезы в Италии. Тадеуш Бреза как бы подводит в ней итог итальянским «беседам, встречам, историям, событиям». Но по преимуществу это дневник размышлений, раздумий, в котором внимание автора сосредоточено вокруг одного главного объекта — Ватикана, на что указывает даже само заглавие: Бронзовые врата — парадный вход в апостольскую столицу.

Философский склад книги определил тональность, своеобразие ее. Произведение Брезы не памфлет публициста, который, проникнув за бронзовые ватиканские врата, гневно клеймит католицизм, беспощадно совлекая «с мертвых идолов одежды». Бреза смотрит на Ватикан иронически, словно бы несколько со стороны, или, как говорят поляки, «с зезем», то есть вприщур.

Для Брезы Ватикан не просто любопытный исторический феномен — средневековый город-государство, уцелевший каким-то чудом до наших дней. Он стремится глубже постигнуть всю хитрую суть этого сложного механизма. Ведь Ватикан интересует писателя прежде всего как активный политический центр, пытающийся возможно шире распространить свое влияние по всему миру.

Разумеется, особенно сильна власть католицизма в самой Италии. Недаром Бреза подчеркивает в предисловии, что, внимательно приглядываясь к деятельности Ватикана, он видел, как от «святого» престола «падает тень на все», как глубоко проникает церковь в

самые различные сферы жизни современной Италии.

Вот, например, Бреза рассказывает, как в одной из итальянских школ ученики 2-го класса, расшалившись на перемене, нечаянно повредили распятие. Местные церковники раздули этот эпизод в настоящее «дело». Католические газеты забили тревогу, закричали о... «материалистических фанатиках», обнаживших «иконоборческий меч», и потребовали сурового наказания виновных. При попустительстве школьных властей современные инквизиторы устроили поистине средневековое судилище: залугиванием, долгими изнурительными допросами детей заставляли признаться в том, будто они организовали тайный «клуб безбожников»... Рассматривая Ватикан в его отношении к людям, к обществу, Бреза каждый раз находит какой-то новый аспект, новый ракурс, чтобы приоткрыть Ватикан с другой, еще неизвестной нам стороны. На живые беседы с людьми наслаиваются экскурсии в прошлое, в историю католицизма, а разговор с «рядовым» священником помогает Брезе контрастнее оттенить духовный цинизм ватиканских «верхов», для которых религия — лишь средство получения «мирских» благ.

Писатель вспоминает, как однажды ватиканские газеты принесли известие о том, что Пий XII, который был болен, вдруг стал поправляться. Сообщалось при этом, что папе было «видение»: сам Спаситель явился облегчить его страдания. Оказывается, один из папских приближенных написал нечто вроде «Жития Пия XII», которое запродавал американскому издательству. Отрывок же о «чудесном исцелении» был опубликован им в газетах для того, чтобы определить «рыночную стоимость вещи в целом». Подобное «чудо» заинтересовало Брезу в чисто психологическом аспекте. У него завязывается любопытная беседа с провинциальным священником Джанлоренцо,

который, приняв собеседника за поляка эмигранта, восторженно говорит о Пии XII, его чудесном исцелении и даже дарит новому знакомцу портрет папы. Кажется, лишь скептическая улыбка автора, с какой он принимает этот дар, несколько охлаждает Джанлоренцо. Он понимает, что ошибся: перед ним представитель другой — новой Польши. Человек из незнакомого ему мира... Но проходит несколько дней, и Джанлоренцо сам ищет встреч с Брезой: видимо, в душе молодого священника происходили какие-то сдвиги. Недаром при их последнем свидании ничто в поведении Джанлоренцо не напоминало о его бывлой религиозной экзальтации.

Любопытно сопоставить Джанлоренцо и Пия XII. Оба — и простой сельский священник и глава Ватикана — проходят через всю книгу. Но если Джанлоренцо непосредственно присутствует в ней, если он показан в каких-то внутренних изменениях, то Пий XII всегда остается «за кадром». Из разговоров других лиц мы узнаем о его делах, суждениях. Его же самого видим только однажды — на смертном одре, в тот момент, когда перед нами уже не «всесильный святой отец», а немощный старик, умирающий тяжело и одиноко. Вокруг него разгорается борьба за власть среди «верных» кардиналов (впав в забытие, папа не успел назначить преемника), неистовствуют газетные репортеры, идет откровенная подготовка к пышным похоронам.

Для Брезы сегодняшний Ватикан, его умирание, сумерки, как в фокусе, сосредоточиваются именно в этом эпизоде, написанном с подлинным блеском и силой. Своеобразную символику эпизода автор усиливает прямым «наложением» на него сцены с Джанлоренцо. С одной стороны, глава Ватикана на смертном ложе, чья слабеющая рука не в силах подняться и выразить последнюю волю, с другой — рядовой священник с осла-

бешей, пошатнувшейся верой.

Одна из особенностей этой книги в том, что ее автор не торопится проникнуть в потаенный, скрытый от посторонних глаз закулисный мир Ватикана. Он больше сосредоточивает внимание на людях современной католической церкви, что помогает ему еще отчетливее передать ощущения сумерек, угасания ее.

Поначалу Бреза рисует как бы внешнюю сторону деятельности Ватикана, стремящегося быть «с веком наравне». Это католицизм — покровитель искусств, венчающий наградой, хотя и с кислой миной, фильмы Феллини, друг науки, бойко рассуждающий в своих газетах о квантовой теории, о том, что первые астронавты к космическим мирам будут непременно католиками и т. п. Но иной раз, словно случайно, спадает эта маска. И тогда читатель видит мракобесов, расправляющихся с детьми, предающих анафеме молодую итальянскую чету, которая осмелилась пожениться, не исполнив церковного обряда. Видит истинный Ватикан, яростно выступающий против коммунизма, против новых, справедливых порядков в странах социалистического лагеря, против всего передового и прогрессивного, что несет с собой нынешний XX век.

И Бреза показывает, что это — свидетельство слабости нынешнего Ватикана. Даже прибегая к крайним средствам, католицизм не в состоянии вернуть былое господство. Недаром даже в провинциальном городке, где школу превратили в судилище, родители-католики, возмущенные издевательствами «духовных пастырей», подают на них в суд.

Конечно, Ватикан обладает еще немалым могуществом. Он может отлучить от церкви провинившегося католика, может нанести коварный удар из-за угла, но все труднее католицизму подчинять своей воле человеческое сознание...

Брезу удалось подметить

многие характерные черты современного католицизма. Поэтому значение его книги, в частности в условиях сегодняшней Польши, где влияние костела еще весьма ощутимо, особенно велико. Недаром эта талантливая книга, в которой Бреза, по его словам, показывает «умирание одной из поверженных и абсолютно разложившихся формаций», была удостоена премии «Аргументов» — еженедельника Общества атеистов и вольнодумцев. Присуждение этой премии, по остроумному замечанию газеты «Нова культура», — «самый сильный аргумент» в пользу книги, активно выступающей против католицизма.

Примечательно, что появление «Бронзовых врат» нервозно восприняла католическая газета «Тыгодник

повшехны», на страницах которой появилась статья о книге Брезы, под весьма выразительным названием «Действительно ли это Бронзовые врата?». Автор статьи обвинил Брезу в «фальшивости самой позиции, избранной им», в одностороннем, искаженном изображении папской столицы. И так, писательский удар попал в цель. Католический рецензент верно почувствовал разящую силу книги Брезы. Ее разоблачительный пафос — в огромном фактическом материале, в умелом литературном преломлении его. Бреза как бы широко распахнул бронзовые ватиканские врата, чтобы читатель увидел Ватикан крупным планом, увидел — и сам сделал верные выводы.

С. Ларин

«Четырехпалубный корабль» в стоячих водах

Lawrence Durrell. «Alexandria Quartet» («Justine», «Balthazar», «Mountolive», «Clea»). London, Faber and Faber, 1957—1960.

Еще не так давно английский поэт, автор нескольких романов и книг путевых очерков Лоренс Даррелл (род. в 1912 г.) был известен лишь довольно узкому кругу людей. Сейчас же утверждение, что Даррелл — выдающийся писатель последнего десятилетия, встречается в буржуазной прессе Запада довольно часто и даже не сопровождается какими-либо аргументами. Этот Даррелл обязан своей тетралогии «Александрийский квартет», в которую входят романы «Жюстин» (1957), «Балтазар» (1958), «Маунтолив» (1958) и «Кли» (1960).

В канун второй мировой войны, рассказывает нам автор в романе «Жюстин», в Александрии и ее окрестностях обитала группа людей, связанных крайне сложными, неустойчивыми и подчас загадочными отношениями. Это богатая помещица, европейски образованная егип-

тянка Леила, ее сыновья — Наруз, хозяйничающий в имении, и банкир Нессим, жена Нессима — еврейка Жюстин, танцовщица из варьете — гречанка Мелисса, молодой учитель ирландец Дарли, врач египтянин Балтазар, египетский делец богач Каподистриа; англичане: писатель Персуорден, дипломат Маунтолив, художница Кли, полицейский Скоби. Именно вокруг этой космополитической дюжины и сплетаются замысловатые интриги тетралогии.

Во второй и третьей книгах происходят те же события, что и в первой, но рассказаны они с точки зрения Балтазара и Маунтолива. Поступки героев получают иные мотивировки, характеры приоткрываются с новой стороны. И только в «Кли» действие происходит несколько лет спустя.

Автор с первых же строк сообщает, что книга его —